

**ТРАДИЦИИ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ
В НАЦИОНАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ НАРРАТИВЕ
(на примере произведений Ю. Чуюко из книги «Кинжал танцора»)**

Хакуашева Мадина Андреевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), dinaarma@mail.ru

Роман «Чужая боль», а также две повести «Последний лай старого выжлеца» и «Кинжал танцора», вошедшие в одноименную книгу Юнуса Чуюко, отражают процесс формирования гуманистической традиции нового времени в рамках современной адыгской литературы. Они проявляются как протестная реакция художника слова на усиливающуюся тенденцию всеобщей дегуманизации и нравственного упадка. Через символику центральных художественных образов автор указывает на непреходящие ценности народа, в которых заключена тайна будущего, – сохранения и продления рода, – вот лейтмотив, характерный для двух повестей и романа. Произведения автора отражают реальные проявления наиболее актуальных проблем современного национального мира, пронизаны гуманизмом, свойственным всему творчеству писателя, которые в век глобализации и размывания традиционных национальных основ приобретает особенно острое звучание.

Автор в самобытной художественной манере сумел адаптировать и обобщить широкий пласт адыгской мифологии и фольклора, реализовать новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень мастерства.

Ключевые слова: национальная литература, фольклор, мифологии, связь, традиция, повесть, роман, символ, преемственность, дегуманизация.

До недавнего времени в адыгском литературоведении объектом исследования выступал отдельно взятый региональный художественный материал. Но за последнее десятилетие в кабардинском литературоведении появилась тенденция, в рамках которой адыгская литература рассматривается и изучается в контексте единой национальной культурной традиции, включая литературу обширной черкесской диаспоры. Тесная нерасторжимая связь адыгских субэтносов с единой национальной культурой, этикетом и фольклором обуславливает такие же общие, единые закономерности развития, которые не позволяют рассматривать каждое отдельное произведение вне общего литературного процесса.

Одним из выдающихся художников слова, сумевшим в самобытной художественной манере адаптировать и обобщить широкий пласт адыгской мифологии и фольклора, явился талантливый адыгейский прозаик Юнус Чуюко. Он сформировал новые методы организации и структуры художественного текста, которые вывели адыгскую современную прозу на новый уровень художественного мастерства. «Новое заключается не только в структурно-содержательном аспекте, – отмечает Р.Г. Мамий, – изобразительные средства, повествовательный тон и ритм намного обогатились. Глубоко реалистические и художественно основательные возможности лирической прозы, требовательно заявившие о себе в 60-е годы в творчестве Х. Ашинова, вслед за ним П. Кошубаева, Ю. Чуюко и других, и давшие

лироэпические, лирико-философские жанры, получили определенную трансформацию в прозе анализируемого периода»¹.

Исследователь отмечает реальные предпосылки для появления романа. «Первая повесть Ю. Чуяко «Чужая боль» (1978) показала, что в литературу вступает человек, умеющий в лирическом повествовании связать воедино социальное и нравственное, вчерашнее и сегодняшнее. Эта способность с новой силой проявилась и в книге повестей и рассказов «Кольцо не спадает с руки, или История одной любви» (1985). Она замечается и в романах «Красный дом», «Сказание о Железном Волке». Всех их объединяет, с одной стороны, осмысленный историзм, последовательный поиск духовных, психологических истоков национального самосознания современного адыга, а с другой, – эмоционально-взволнованное авторское повествование»².

Тесная связь между фольклорной и литературной традицией – одна из наиболее отчетливых значительных тенденцией современной адыгской литературы. В этом смысле следует рассматривать книгу Ю. Чуяко «Кинжал танцора», которая включает в себя три художественных произведения – две повести и роман.

Повесть «Последний лай старого выжлеца» – драматическое повествование о жизни и смерти гончего пса по имени Бруно. Художественный текст оказывает яркое сильное воздействие с первых же страниц: центральной темой оказывается моральный выбор человека в пограничной ситуации. Сюжет касается времен Второй мировой войны, когда Красная Армия терпела первые серьезные неудачи на Северном Кавказе и ей приходилось отступать в тыл. Но главный герой Гусарук предпочитает спрятаться в одном из хозяйственных колхозных помещений. Он не остается со своими советскими войсками, но и не переходит к врагу, Гусарук – дезертир. Автор оставляет этот персонаж будто бы в тени – в нескольких фразах дается описание главного героя, так что кажется, что повествователя гораздо больше интересует образ собаки Бруно.

Однажды, находясь на рынке, выжлец ощутил запах потерянного дома, побежал в этом направлении. Читателя завораживает логика собачьей любви: она не рассуждает, не сомневается, безраздельно отдается порыву глубокой преданной привязанности. В пустом доме Бруно находит прежнего хозяина, одичавшего, голодного, потерявшего человеческое обличье. Но для собаки человек неизменен, и она измеряет его по своей шкале отношений, которая оказывается куда выше человеческой. Доверчивое животное гибнет от рук бывшего хозяина, который хитростью удушил его удавкой, чтобы потом съесть...

Читатель невольно задумывается над видовым определением этого персонажа. Его уже невозможно назвать человеком, но невозможно назвать и животным, так как животное гораздо более гуманистично и целесообразно устроено, чем Гусарук.

Где дно человеческого падения? Как далеко заходит человек в своем предательстве и потере собственного лица? Где начинается разрушение личности и есть ли для него предел? Позиция автора не проявляется, но оценивается чудовищный процесс личностной деформации через реакцию любящего доверчивого животного. Однако выводы самого читателя неутешительны. Ведь возможен был и другой финал, когда человеческое сопротивляется слепому инстинкту выживания, и два начала борются. Но ничего этого нет: раз без видимого труда перейдя черту, главный герой постепенно изживает в себе человека, и Гусарук превращается в коварное страшное орудие убийства. Только в финале становится оправданным авторский интерес к собаке: ведь именно преданная позиция животного становится вровень с той высокой планкой нравственности, которую обозначил человек для себя. Как ни парадоксально, именно животное становится символом человеческого. Автор выводит беспощадную формулу: человек не может быть синонимом добра. Человеческий стержень может казаться иллюзией, которая проявляется

лишь тогда, когда человек сыт и благополучен. В пограничной ситуации человеческий облик теряется. Благородное животное же при любых обстоятельствах сохраняет преданность хозяину и любовь к дому, и без колебаний может пожертвовать жизнью.

Однако художественный текст мог показаться однозначным, если бы такой вывод являлся общим и распространялся на всех людей. Ведь повествование ведется от лица мальчика Тембота, который несет в себе подлинное гуманистическое начало. И только этот яркий протест, осуждающий гневный рассказ от лица страдающего ребенка оставляет свет надежды в финале.

Повесть «Кинжал танцора» является одним из ранних произведений Ю. Чуяко, но в нем уже намечаются основные тематические направления, которые позже получают развитие, в том числе, в значительном явлении адыгской литературы – романе «Сказание о Железном Волке»: народная сокровищница, оставленная предками адыгов – это духовное наследие, которое несет в себе драгоценную нестареющую основу мудрости и высокой морали. Это тот клад, который является залогом будущего. Несомненное мастерство автора проявляется в умении передать сакральное философское начало через будничные зарисовки, житейские диалоги, обычное, ничем непримечательное течение повседневной жизни.

Символом духовной традиционной основы народа является курган, который выступает главным объектом профессиональных интересов сотрудников музея, в котором работает главный герой Касим. Характерно, что в романе «Сказание о Железном Волке» таким же семантическим средоточием становится курган, который исследуется представителями семей Мазлок и Челестен.

В повести «Кинжал танцора» таким же локальным, «родовым» центром становится старый чердак ветхого саманного дома, в котором «погребены» старые вещи, среди которых по мнению главного героя Касима находятся бесценные предметы старины. И если старый дом олицетворяет традиционные духовные устои прошлого, то новый, еще не построенный дом – будущее мироустройство. Как же они соотносятся, старое и новое?

Как будто бы вполне бытовые противоречия возникают между самыми близкими людьми: Касимом и его супругой Софой. Софа, усвоившая поверхностные ценности эпохи советской модернизации, легко расстается с «отжившим» патриархальным укладом, отстаивает установки нового времени в споре с мужем. Она не хочет обременять себя большой семьей, ей не нужен надел земли, который бы принуждал к возделыванию приусадебного участка – сада, огорода, она говорит о важности общественной работы, профсоюзах... Касим же с усмешкой относится к заявлениям жены, он – преемник старых, но разумных, веками сложившихся народных традиций, которые прошли суровый отбор временем. Он не может себе позволить с той же легковесной решимостью отказаться от былых ценностей.

Касим поддерживает маленькую нанэж – бабушку, которая не хочет расставаться со старым домом, построенным ее мужем: в нем прошла ее жизнь, появились на свет дети... Пристрастия старой матери к старому дому не понимает ее сын Азмет с женой, которым непременно нужно новое жилище, которое бы соответствовало современной моде и затмило бы роскошью соседские дома. Он хочет поскорее избавиться от «ненужного хлама», которым забит чердак. Касим в том же самом «хламе» способен обнаружить бесценные музейные экспонаты, которые становятся знаковыми образами народной жизни адыгов. Среди них – старинный кинжал, с которым танцевал юный герой. Воспоминания о танце с кинжалом, который демонстрирует немецким офицерам несокрушимую мощь народного духа адыгов, его железную волю и мужество, повергает врагов в замешательство, и они убивают танцора. Так постепенно образ кинжала перерастает в символ, с которым связан героический мотив: непреклонность и мужество в отстаивании своей земли, дома, непреложных законов, своего неисчерпаемого духовного наследия.

Сцены, связанные со Второй мировой войной, переплетаются с реминисценциями, которые отражают трагизм времен Кавказской войны, которая еще живет в народной памяти.

Отнюдь неслучайно кинжал находит маленький сын Касима Русик, – именно ему предстоит стать новым хозяином кинжала, за которым – тысячелетние основы народных героических традиций, выпестованной, окристаллизованной народной сути. Закон духовной преемственности, согласно которому опыт народа переходит от старшего к младшему поколению – важнейший принцип национальной культуры, который утверждает автор. В романе это отражено в бережном отношении героя к старинным вещам, в которых воплотился неповторимый национальный дух, – залог выживания в непростой жизни, полной неразрешимых противоречий.

Через символику старинного кинжала автор указывает на непреходящие ценности народа, в которых заключена тайна будущего, – сохранения и продления рода, – вот лейтмотив повести Ю. Чуяко, которая в нынешний век девальвации, размывания традиционных национальных основ приобретает особенно острое актуальное звучание.

Роман «Чужая боль» основана на глубоких философских авторских раздумьях: все живое связано болью, но именно она, боль через понимание, душевное и духовное взаимопроникновение становится великой охранительной силой, которая через соболезнование реализует чудо спасения, сохранения и процветания всего живого. Если выпускник лесотехнической академии Озремес способствует спасению и сохранению лесных обитателей, лесных богатств, то заведующая фермой Ханый неустанно борется с жестокими бюрократами, которые ради выполнения плана посылают на бойню молодых бычков и телочек. Пожилая женщина Кульсома, в которой воплотились лучшие традиции былых времен, суть которых – уважение и взаимная поддержка, ностальгически ищет их в отношениях с окружающими. Воплощение этого духа она находит в процессе традиционного коллективного строительства дома – *шихафе*. Однако сила старой Кульсомы в том, что она, носитель этого духа, непосредственно распространяет его, способствуя проявлению позитивного нравственного начала в людях.

Художественное повествование пропитано горячей авторской любовью к земле, ее нетленной величественной красоте, ко всему живому, населяющему леса, реки, горы, к людям земли, их особой категории – хранителям, которые могут беречь и преумножать великое духовное достояние предков. Через соотнесение исторического и мифологического писателем «воссоздаются те или иные пласты национальной жизни адыгов.., освещение «духовного космоса» предков лучами пытливого мысли потомков открывает совокупный миф народа»³.

Книга талантливого адыгейского писателя «Кинжал танцора», включающая две повести и роман, пронизана гуманизмом, свойственным всему творчеству Ю. Чуяко. Произведения автора отражают реальные проявления наиболее актуальных острых проблем современного национального мира, в первую очередь, всеобщей дегуманизации.

Примечания

1. Мамий Р.Г. Вровень с веком. Майкоп, 2001. 339 с. С. 42–43.
2. Там же. С. 48–49.
3. Аутлева Ф.А. Взаимосвязь фольклорно-эпического и литературного сознания в художественном осмыслении нравственно-философских проблем современного адыгейского романа. Майкоп, 2003. 163 с. С. 152.

**TRADITIONS OF HUMANISTIC POETICS
IN THE NATIONAL ARTISTIC NARRATIVE
(on the example of works by Yu. Chuyako from the book «Dancer's Dagger»)**

Hakuasheva Madina Andreevna, doctor of Philology, researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), dinaarma@mail.ru

The novel «Alien Pain», as well as two novels «The Last Barking of the Old Wiseman» and «The Dagger of the Dancer», included in the same book by Yunus Chuyako, reflect the formation of the humanistic tradition of the new time in the framework of the modern Adyghe literature. They manifest themselves as the protest of the artist's words to the growing tendency of general dehumanization and moral decay. Through the symbolism of the central artistic images, the author points to the enduring values of the people, which enclose the mystery of the future – the preservation and extension of the genus – this is the leitmotif characteristic of two stories and romani narratives. The works of the author reflect the real manifestations of the most pressing problems of the modern national world, permeated with humanism, characteristic of all the works of the writer, which in the age of globalization and erosion of traditional national foundations, acquires a particularly sharp sound. The author, in a distinctive artistic manner, was able to adapt and summarize a wide layer of the Adyghe mythology and folklore, to implement new methods of organizing and structure the artistic text, which brought Adyghean modern prose to a new level of skill.

Keywords: national literature, folklore, mythology, connection, tradition, novel, novel, symbol, continuity, dehumanization.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-112-116